

ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№25 МАЙ 2019 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

Создателю гидросистемы

Памятник Петру Первому и Михаилу Сердюкову установлен в Вышнем Волочке рядом с железнодорожным вокзалом. Бронзовый монумент высотой 2,5 м выполнен по проекту Ю.В. Злоти, заслуженного художника РФ

Это одна из достопримечательностей города, созданная в наше время. Памятник был открыт в 2006 году и представляет собой композицию, в которой Михаил Сердюков стоит перед императором Петром с проектом гидротехнической системы Вышнего Волочка, а Петр I думает, утвердить его или отвергнуть.

Проект, выполненный Михаилом Сердюковым, был принят царем и через некоторое время в Вышнем Волочке появились Цнинский и Тверецкий каналы, а также система шлюзов, бейшлотов, плотин и водохранилища.

Михаил Иванович Сердюков — российский гидротехник-самоучка, прославившийся созданием гидротехнической системы Вышнего Волочка, которая позволила судам проходить из Цны в Тверцу и в обратном направлении вместо волока по суше, использовавшегося вплоть до 18 в.

«УШЛО ТЕПЛО ИЗ РУССКОГО ПЕЙЗАЖА...»

Наталья Шабанова,

г. Андреаполь

Наталья Ивановна родилась и выросла в деревне Жукопа Андреапольского района. Окончила Старицкое педучилище, а позднее Московский Государственный заочный педагогический институт, получив профессию учителя русского языка и литературы. Работала в разных школах района. Последние 19 лет в Чистореченском детском доме. Стихи пишет давно. Публиковалась в периодической печати. Автор двух поэтических сборников.

* * *

Край ромашковых полей,
трав по пояс, сенокосных,
и цветущих тополей,
первоцветов медоносных.
Край заброшенных домов,
умирающих, гнетущих,
и разбитых чердаков,
и ветров, псалмы поющих.
Край любимый, дорогой,
и к себе всегда манящий
голос родины самой,
голос жизни настоящей.

* * *

*Как странно, что с горбатою скирдой
Уйдёт тепло из русского пейзажа.*

(В. Рысенков)

Как странно, что с горбатою
скирдой
Ушло тепло из русского пейзажа.
Разграблен не Батыевой Ордой
И даже не фашистской сворой
вражьей.

Шумят осины – вестники тревог,
Им и без ветра в запустенье зябко.
Мерцает месяц в небе - однорог.
По-волчьи ветер завывает гадко.
Ромашки в поле, где когда-то лён
Ходил волнами в солнечное лето.
В луга и пашни был туман

влюблён

И в синеву грядущего рассвета.
Замшели избы. Серой лебедой
Прошил бурьян оконные проёмы.
Не то слезами, а не то водой
Стекалась жизнь в большие

водоёмы.

Теперь пустырь, где рано поутру
Был всяк разбужен петушиным
криком,

Стоит один, как воин на посту,
Священный храм с Иисуса
светлым ликом.

Сошлись у речки братья-берега,
Отжил своё и мостик деревянный.
И не ступает ни одна нога
На школьный двор унылый и

печальный.

Псалмы поют заблудшие ветра
На бывшей ферме, на току и в
поле.

И голосить так будут до утра
О самой горькой деревенской доле.

ДОМ С ОТКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

Каждая тропинка в моём крае
Мне знакома с давних-давних
пор.

(окончание на стр. 2).

стр. 1

(начало на стр. 1).

Здесь, под ёлкой, в куклы мы
играла,
Здесь когда-то строили забор.
Помню этот запах, самый
пряный,
От проталин чёрных на лугу,
И себя девчонкою упрямой,
И над речкой радугу-дугу.
Знаю, где морошка, где брусника
И черника там, где тополя.
А за речкой Чёрной голубика
Самой вкусной ягодой была.
Первоцветов первые соцветья
Разбегались стайкой у крыльца.
Липы здесь из прошлого столетья,
И подрублен дом на два венца.
Говорят, что всё всегда проходит,
Но не память детства, ты поверь.
Уплывёт бумажный пароходик,
Но оставит дом открытой дверь.

ГОДЫ ДЕТСТВА

Там, где зорьки алые-алые
И трава по пояс стеной,
Там, где видятся сны небывалые
И багульником пахнет весной,
Где скворцы под окошком селятся
И от яблонь густая тень,
Где сирень, как хмельная
метелица
И родник, как апрельский день.
Там, где ветры гуляют вольные,
И шальные поют соловьи,
В той стороншке годы школьные,
Годы детства прошли мои.

ДОМОВОЙ

По преданьям старины, домовой
живёт за печкой
И над крышей из трубы выпускает
дым колечком.
Озорник, большой шалун, прячет
он ножи и чашки
Нет с ним сладу, хоть молчун, но
подобен барабашке.
Половицей проскрипит, дверью
хлопнет утром рано,
Тапки спрячет, побряхтит, кошку
выдворит с дивана.
Разойдётся – не унять. Уговоры
бесполезны.
Стоит рюмочку подать- сразу
станет разлюбезным!

ПОСТУПЬ ВЕСНЫ

Ещё морозец лёгкою походкой
Скользит по синим сумеркам
зимы,

Но пахнет воздух хмелем и
солодкой,
И посылает солнце нам дары.
На зорьке свет оранжево-лиловый,
В крахмальных фраках речек
берега.
В природе всё готово к жизни
новой.
Зиме весна наставила рога.

* * *

Птицей душа встрепелась,
запела,
Солнцем обласкана и синевою.
Только капелью весна прошумела,
Капелью звонкою над головой.
Стало душе неуютно и тесно
Скромной затворницей в теле
скупать.
Впору на волю, ведь так интересно
Всю в конопушках, её повстречать!
Чудо-весну на лужайке, на ветке,
В треснувшей почке, в гремучем
ручье,
В лёгоньком платье восторженной
Светки,
В фрак принаряженном важном
граче.

* * *

Жемчужной россыпью
подснежники
Полянки оживили вновь.
И не иначе, как мятежники,
Мир взбунтовали на любовь.

В природе – зелень первой
свежести,
Сок пробудившихся полей,
А в голове – завеса нежности,
Пьянящий шелест тополей.

* * *

Мне накапал дождь
сердечных капель
И вливал, до одури, настой.
Ночью бил в стекло,
а утром плакал,
днём смеялся
песенкой простой.

Только в этой песне
нет начала,
Не видать в ней
края и конца.
Я от этой музыки устала,
И молила замолчать
Творца.

* * *

Бродит Осень-хозяйка по
лужицам,
С нею братец-туман седой.
Где пройдут – листопад
закружится,
Дождь осыплется золотой.
Все тропинки ковром
застелятся,
Рыже-огненным станет лес.
Ах, какая ж природа
волшебница!
В закромах её столько чудес!

* * *

Рождалась музыка во мне.
Неярким светом
Мерцали звёзды в вышине,
Их месяц пас.
Я, увлечённая
Божественным сонетом,
Была счастливой и влюблённой
в этот час.

* * *

Пока любовь совсем не умерла,
Пока, как уголёк, в груди томится,
Всё исправимо, ты ещё жива,
А крылья отрастут у синей птицы.
Путь перечёркнут. Трижды ставя
крест,
Крикливый ворон душу рвёт на
части,
Но на погосте не хватило мест
И ты дралась отчаянно за счастье.
Цеплялась крепко, плотно губы
сжав,
За кромку льда, за гибкую
травинку,
В костре потухшем угли вороша,
Разворошила свежую искринку.
В высоком небе – светлячки костра
Искрятся и бесследно затухают.
Ах, сколько ж в миге этом
торжества,
Но и оно по капле уплывает.
К тебе тянусь, как к свету мотылёк,
Как труден путь, избитая дорога.
Ушла любовь, а мне и невдомёк,
Что это осень встала у порога.
Прибит дождём, распластан по
земле
Седой костёр, что яростен был вчера.
А светлячки? Они живут во мне
И зажигают звёзды января.

(продолжение, начало в N19 (ноябрь) - №24 (апрель));

Письмо восемнадцатое

БЫСТРО мы догнали и перегнали весь мир. Всюду игорные дома, проститутки, порнография, бульварное чтиво... Махровым цветом распустилась дикая орхидея, и трупный ее запах наполнил наши города и веси. С чего бы это вдруг? В одночасье? А как же моральный кодекс, который нам проповедовали последние советские десятилетия?

Молодежь легко покатила следом за «временем», и это говорит об отсутствии у нее крепких корней, обычаев, традиций – того, что веками скрепляло, держало и обустроивало Русь. Полное поражение в системе воспитания. «Большие педагоги», Н. Крупская и Клара Цеткин, провозгласили в свое время абсолютно верный лозунг: «Дети – наше будущее». Прошли десятилетия, и будущее выросло. Их будущее.

Мудрецы говорят: «Кто правит в детской, тот правит миром». Пусть подумают люди, как следует. Как следует, а не вскользь и бегом. Разве можно было соединять мужскую и женскую школы? Зачем? Это путь к нравственности или безнравственности? Скажите: «да»

Письма сельского почтальона

или «нет»? И без демагогии. А сегодня учим детей надевать презервативы!!! Это, – говорят, – можно и нужно. Аборт в юном возрасте – тоже можно. Можно и на дискотеку, где торгуют наркотиками. А вот, например, в армию – нельзя.

А если завтра война? «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!» Кто встанет? Кучка профессионалов? Когда-то служба в армии имела для юноши большое воспитательное значение. Это не детский сад – надо и в снегу поспать, и поголодать, и под пулями беспрекословно (беспрекословно!) выполнять команды. Так было, так должно быть. При Суворове в армии тоже получали зуботычины, но эта армия брала Измаил и покоряла Альпы. Тяжело в учении... Разве русские люди не знают этой правды? Знают, но смотрят на все сквозь свои узкоэгоистические интересы. И еще охотно верят в нашу вечную дружбу с Америкой, Китаем, Европой... «Ах! Обмануть меня не трудно. Я сам обманываться рад».

Перед Великой Отечественной войной мы тоже в обнимку с немцами подписывали договоры, пакты, ездили друг к другу по делам и в гости. Миллионами тонн в Германию шло наше зерно, нефть, руда... Память-то у нас короткая. Друзья! Союзники! Русский царь учил своего сына: «Запомни, у России только два союзника – армия и флот». Или забудем эти слова, доверимся сладкоречивым телеведущим? Куда ведущим? Телевидение – та же скалочная дудочка. Под ее звуки нас и наших детей уводят все глубже и ниже в зловонную пропасть. Да ведь мы же не крысы, чтобы с нами так...

Образование и воспитание – разные вещи, как цивилизация и культура. Многие матери считают, что школа выучит, больница вылечит. А ты-то сама что? И разве долж-

на мать работать, то есть уходить из дома на долгие часы? А может, для этого нам и ввели равноправие – вырвали женщину из семьи, заработок мужчины разделили на двоих. Почему мы не задумываемся об этом? Что обрели мы на пути эмансипации? Слабых, безответственных мужиков. Брошенных детей, которых тут же подобрала улица. А там правят бал темные силы.

Все ответы лежат рядом, если только не лукавить. Что и кто может удержать народ от падения? Только Церковь, только Вера, только Бог. Если вдуматься – за Церковью две тысячи лет неустанных и непрестанных трудов по спасению человека. Это не фонды, институты и прочие однодневки, которые – просто накипь. Сколько веков русский народ вершил свою великую историю, сохраняя в сердце три священных понятия: Бог! Царь! Отечество! Чего же мы ищем под руководством крысоловов с дудочками? Разве они не уводят нас в сторону от единственно верного пути? Кто мы сейчас? Как нам имя? И что у нас впереди?

В каком восторге плясало человечество в начале прошлого века. Обнимались все со всеми: «Прогресс! Новое время! Светлое будущее!» А потом две мировых войны, миллионы загубленных жизней. Ничему нас история не учит. «Хочешь мира, готовься к войне!» Не надо размахивать кулаками, но надо, чтобы все знали – кулаки у тебя есть. И каждая мать должна понимать, что ее сын идет в армию служить, служить Родине, исполнить свой долг. И незачем искать пути обхода. Сколько таких уклонистов спилось, село на иглу, сгубило свои жизни на гражданке.

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Не хочешь, чтобы твой сын сломался при первых же трудностях – воспитай из него мужчину. Боишься, как бы с ним не случилось беды вдали от родительских глаз – доверь попечение о нем Всевышнему Богу. Не хочешь, чтобы однажды твоя дочь пошла по рукам – выключи телевизор, выбрось развратные журналы и книги, сними со стен в ее комнате Наталью Орейро и всех прочих диких бесенят. И главное – научись молиться, а не заклинять. Молиться Господу, а не заклинять Судьбу. А мы все одно и то же: только бы не было войны, только бы нас обошло стороной, только бы моего сыночка миновало, только бы не моя дочка – нет, нет, она-то не такая, только бы, только бы...

Сколько необученных, неготовых к испытаниям парней сложило свои головы на нашей Тверской земле под Ржевом, да и по всей России. Разве они не мечтали о мире? Не надо жить иллюзиями. Враг есть, и он будет всегда. Пример Ирака, пример Югославии у нас перед глазами. Прав – неправ, законно – незаконно, Американцы блюдут свой интерес. Как в басне Крылова: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Есть у вас желание выступить в роли ягнят, которых все одно съедят – не те, так другие? Попробуй уговорить волков призывами к гуманизму, апелляцией к общечеловеческим ценностям – ну, как же, мол, так... ведь это нечестно... у вас такие зубы, а мы даже бодаться не умеем... мы мягкие и пушистые...

Ценой невероятных усилий – нам и не вообразить каких – отцы и деды создали великую страну. Работали, не покладая рук; воевали, не щадя своей крови; рожали и растили детей, чем больше, тем лучше, ибо дети – это радость и благословение Господне; строили Божьи храмы и молились в них на коленях. И кто выстоял – обрел спасение и вечное блаженство в Царстве Небесном. Не

было в России ни одного поколения, на долю которого выпала бы сладкая и безмятежная жизнь. Что же мы? Разбазарим плоды их трудов, прогуляем, пропьем, отдадим на съедение хищникам, которых не счесть? Лишим наших детей и внуков будущего? И что ответим на Страшном суде, которого не миновать? – «Прости, Господи, хотелось вкусно поесть и попить, краше одеться, найти женщину мечты, побывать за границей, съездить с любовником на море, посмотреть телевизор...» Как оправдаемся?

Отсутствие страха Божия в сердце приводит к гибели души. Отсутствие у народа исторической памяти приводит к гибели народа и государства, в котором он живет.

Что сказать иноплеменным союзникам? Хотите с нами дружить – мы готовы. Хотите торговать – торгуйте. Но не указывайте, как нам жить. Сами разберемся.

Школьное воспитание должно прежде всего формировать правильное историческое понимание времени, места, границ и задач. В основе должна лежать Православная вера, ибо она укрепляет дух, формирует душу – совесть, нравственность, любовь к Богу и к ближнему.

И не надо лукавить. Кто виноват в том, что из семьи вышла проститутка? – Мать! И отец! И если сын стал наркоманом, виноваты тоже родители. «Яблоко от яблони недалеко падает». Незачем пенять на общество. Оно – как рубль из копеек – состоит из отдельных личностей. И если копейка бережет рубль, то каждый человек способен охранить все общество. «Спасись сам и вокруг тебя спасутся тысячи». А ради нескольких праведников Господь может пощадить целый город.

Твой Д.В.А. октябрь 2003

Письмо девятнадцатое

Длинная стылая октябрьская ночь. Совсем скоро ноябрь. И уже мерещится за окнами крепкий мороз. Дыхание суровой зимы. Из

протопленной избы выйдешь на крыльцо в темноту – холод и сырость. Тут же пробирает до самых костей. Дойдешь до калитки. Последние листья оборвал ветер с деревьев. Их голые остовы чернеют на фоне неба. Сквозь плену ненастья, между низкими тучами тускло горят звезды. Замерзли на дорогах колдобины.

Мелкие лужицы превратились в лед. Кажется, самое бесприютное время. Глянешь в один конец, в другой – затихла, съежилась деревня. Да жива ли она еще...

Как будто жива. На противоположной стороне улицы, в низком домике, в маленьком оконце всю ночь горит мутный свет. Там свой срок на земле доживает одинокая восьмидесятилетняя старушка. Сколько еще отпустил ей Господь? Я знаю, что сейчас она прикорнула на печной плите, которую топил едва-едва, чтобы сэкономить дрова. Греет свои нагруженные кости. Одна, как перст. И таких по всей России тысячи. В эту беспощадную стылую ночь.

Мы стараемся об этом не думать, ибо что, что ты можешь сделать для одинокой старушки? Зайти в гости, посидеть, вспомнить с ней ее жизнь, лучшие годы, а по большей части нищету, с которой она никогда не расставалась надолго...

По-разному проводят и заканчивают свой век люди, звери, птицы, насекомые. Рядом с нами огромный мир, абсолютный замысел Вседержителя. Тысячи лет немощный человек все подбирает ключи, чтобы проникнуть в суть этого замысла... радуется добытым крохам, но никак не хочет понять главного: «всему свое время», то есть, должна исполниться «полнота времени». Не пролететь, не протянуться, а исполниться.

Я иногда ставлю перед собой обыкновенные песочные часы и смотрю, как сыплется песок, как уходит, уходит время и вот... Все. Быстро и неумолимо.

Когда рождается человек,
(продолжение на стр. 5).

(начинается на стр. 3-4).

начинается отсчет его времени, только его. На что оно будет истрачено? «Жизнь, зачем ты мне дана»? Можно полететь в космос. А можно сделать торт длиной в один километр. Или пришить пуговицу размером с колесо. Или несколько недель кряду на виду у всего мира просидеть в стеклянной клетке. Чтобы заметили. Чтобы занесли в книгу рекордов Гиннеса. И тем себя увековечить. Но не лучше ли помнить о Книге жизни, которая в руках у Господа. Не лучше ли обратить все стремления своей души к спасению. «Господи Иисусе Христе, напиши мя раба твоего в книзе животней и даруй ми конец благий».

Однако «каждому свое». И так будет до самого конца времен. Один будет строить храмы во славу Божию, другой ради своего тщеславия будет качать мышцы. Один возьмет на воспитание бездомного ребенка, другой потратит тысячи долларов на щенка элитной породы...

И какова же разница между одними и другими? Очевидно: кто вкладывает душу в строительство храмов, в спасение бездомных детей, в помощь одиноким старикам, тот освобождает нашу землю от горя. И никакие не выборы, не экономические программы, не политические лозунги, не социальные институты решают судьбу народа и страны, а люди, у которых есть душа, открытая Богу, открытая чужим бедам. Чем больше таких людей, тем лучше сама жизнь. А если таковых мало, значит, нужно их воспитывать. Иначе – беда. Но что происходит в действительности? Огромная машина работает на то, чтобы привить нашим детям эгоистические идеалы, чтобы лишить их национального духа, для которого питательной средой всегда была и остается православная вера, и только она. Какая-нибудь контора общественного мнения сегодня вызывает у «дорогих россиян» больше доверия, чем весь наш тысячелетний национальный опыт.

Я убежден, что мы живем в перевернутом мире. Люди стремятся

к успеху любой ценой, гонятся за химерами прогресса, но что получают... Никакое самое высокое положение в обществе, никакая самая роскошная обстановка в квартире не могут сами по себе принести счастья. А для счастья нужно все то же, что и две, и пять тысяч лет назад: чистый воздух, чистая вода, чистая совесть, вера, надежда, любовь... Этому я и детей своих учу. Сельский школьник уезжает в город, чтобы учиться в институте. Потом он, может быть, станет академиком и начнет производить на свет всякие «изобретения». А его мать все это время будет вручную копать картошку, коромыслом носить воду, топором колоть дрова... Как и тысячу лет назад.

Сын будет мотаться по симпозиумам и консилиумам, защищать диссертации, получать высокие награды, а то и в космос полетит (чего он там забыл?). А матушка его, скрюченная от непосильного труда, одинокая, тихо отойдет к Господу в заброшенной деревне, в покосившейся избушке или в доме для престарелых. Минует еще три десятка лет, и теперь уже сам академик, забытый своими детьми, будет доживать век в запущенной, пыльной квартире, по стенам которой висят никому ненужные грамоты и дипломы. Да был ли он счастлив? Да так ли прожил жизнь? Помнит телеграмму, в которой сообщили о смерти матери. Приехал, увидел в гробу старушку – маленькую, высохшую... Неужели это она? Помнит, как его собственный сын получил диплом, как дочь выходила замуж... А как росли, помнит не очень хорошо – всегда было много работы. Жена могла бы рассказать об их младенческих болячках, о пионерских лагерях, студенческих отрядах... Но... Как ее хоронили, он помнит хорошо... Нет, иногда дети, конечно, звонят, далее привозят внушек... Только им все некогда: у девчонок и музыка, и английский, и плавание, и... не перечислишь всего. Теперь и они будут бежать, бежать по этой жизни, пока однажды

тоже не упрутся в одиночество. Вот так – чего только ни изобрел, чего только ни открыл, а про самые важные, про самые простые вещи понял лишь тогда, когда остался один в пыльной квартире, посреди никому не нужных грамот и дипломов...

Нет, никому нельзя отдавать на откуп воспитание собственных детей, никаким садикам, лагерям, гувернанткам. Если, конечно, хочешь сохранить семью, обрести душевный покой, порадоваться здоровым внукам и встретить старость, согретую заботой, теплом человеческих отношений.

Окно в доме напротив погасло. Но это не от желания сэкономить, ибо старушка боится оставаться одна в темноте. Это просто перегорела лампочка.

Так и живем.

*Обнимаю. Твой Д.В.А.
октябрь 2003*

Письмо двадцатое

Тысячу раз извини за мое молчание. И нет мне оправдания и есть оправдание. «**Дом яма – стой прямо**». Все, что помню за последние недели до Покрова, – встал-лег, остальное сливается, и в голове пусто. Думаешь: раз – и сделал. А вскочил, и колени подвели. Неделю рыл подпол, а хотел управиться за 2-3 дня. Одного только песка 700 с лишним ведер вынул. Потом был дровяник к зиме, потом навес курам, ремонт печей... осенние заботы. А мелочей по ходу и вовсе не перечесть...

Но вот пал снег и загнал меня в дом. Сижусь, смотрю в окно, как ветер тихо потянул с крыши прозрачную белую пелерину. Начинается метель, и вспоминаю я, как на днях улетали гуси. Стая за стаей, бегом, рассыпью, и клина-то толком нет. Едва они успели вскочить на спину северному ветру, и вот зима... Как будто и не было лета.

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

Приходит время раздумий, учебы, домашнего труда. А как начнешь размышлять о жизни, так на сердце тихо ложится печаль. Знаешь, отсюда все видится по-другому. Вот тебе ситуация... На днях вышел утром на улицу, еще до снега. Стоит моя соседка в двух платках на голове (болят уши), в какой-то кургузой кацавейке, подпоясанная платком (болит спина), и в глубоком раздумье смотрит на большую кучу поленьев. И вижу я эту картину не первый день. О чем же она думает в свои восемьдесят лет? О том, как переколоть эту кучу...

На носу зима. Того, что с прошлого года осталось, не хватит. Платить пятьсот за телегу дров (а одной телеги мало), рука не поднимается. Можно, чтобы привезли бревнами. А распилить? Еще 250. С ее-то пенсией. И вот она берет одноручную пилу и неделя за неделей (выкопав при этом 25 соток картошки – тоже никуда не денешься) ходит вдоль берегов и оврагов, валит ольху и нетолстую березу. Потом, распилив их на кряжки и сложив в лесу стопкой (в свои 80 лет!), она нанимает за литр самогонки транспорт, привозит все это к дому и теперь стоит, мучается: надо колоть. Нанять? Но это по ее меркам и понятиям большие деньги. Лучше поросенку да овцам купить несколько мешков отрубей... И вот она берет топор. Да! Старость – не радость. По-разному она приходит и проходит у каждого человека.

Пока соседка стояла, опершись на топор, на велосипеде подъехал дедок из ближней деревни. Обут в сапоги, за спиной мешок, слез, поздоровался, о чем-то они переговорили. Соседка быстро сбегала домой, надела сапоги, куртку, на плечо рюкзак, и пошли они через деревню в лес. На болото. За клюквой. 5 километров туда, 5 с грузом обратно. Ей 80, ему 82-ой. Вернулись они часов через шесть. Он сел на велоси-

пед, мешок с клюквой за спину, и растаял в сумерках осеннего дня.

К слову. Два-три года назад одна бабуля уже к зиме пошла на болото за ягодой. Там и умерла. Нашли весной. А лет ей было почти 90. Не буду касаться городской старости. Это другие заботы, другие проблемы. Но тоже, думаю, есть над чем поразмышлять. Когда святым отцам говорят о том, что вот, мол, некто хорошо живет (знаменит, богат или что еще в этом роде), они отвечают: «Посмотрим, как умирать будет». А ведь и вправду: **«Конец – делу венец»**.

Я тебе по своему опыту скажу: сколько известных, выдающихся актеров умерло в нищете, в забвении, от пьянства... Только об этом мало кто знает. Сотни имен. «Пировали, веселились – подсчитали, прослезились». Ну, да ладно – не будем забираться на Олимп к тамошним «небожителям»... Дай Бог им всего хорошего.

Ты думаешь, у моей соседки не болят руки-ноги? Болят! И ой как болят! После того, как она просидела всю жизнь под короной, косила, копала, ткала... Но все дело в том, что здесь в деревне есть одно великое правило: никуда не денешься! Никто за тебя не будет косить, копать, доить, кормить скотину. Конечно, в самый тяжелый момент, когда тебе совсем неможется, найдутся добрые люди, помогут, подпрут... Но только на день-два, а дальше – сам. Вот моя соседка часто пьет корвалол. Налет в ложку, запьет из чайника... и на двор. Идет работать, а не ложится на кровать.

Старость! Какая она разная... У каждого своя... Осень человеческой жизни – ранняя, глубокая, яркая, блеклая... Кто что заработал...

Иногда трудишься в течение дня, ничего вокруг не замечаешь, но к вечеру разогнешь спину и вдруг – закат, птицы щебечут – благодать... А если с утра уперся в телевизор, то ночью обязательно не уснуть, на душе гадко, а в боку колики...

Осень... и невольно приходят

мысли: впереди полгода зимы, доживу ли до весны... Помнишь, как в дневниках Толстого... Составляя планы на каждый день он в начале писал три буквы «е. б. ж» – «если буду жив». Страх смерти, ожидание смерти влияет на жизнь. Смерть делает жизнь атеистов бессмысленной. Для них это просто исчезновение, даже если кто-то и тщится оставить в памяти потомков добрый след. А для верующего человека смерть – это экзамен и переход к жизни вечной, которую нужно заслужить всей своей земной жизнью. Огромный смысл.

Мы даже думать об этом боимся. По мере того, как с возрастом теряют цену многие соблазны и все более тускнеют иллюзии, мы начинаем искать виновных, находим себе оправдание, ругаем близких и дальних, и остаемся в одиночестве на пороге другого мира. Мы не любим заглядывать правде в глаза. Лучше к соседу или в телевизор. Но старость, она заставит. В самые последние дни, в самые последние минуты... Неподаром пред мысленным взором умирающих проносится вся жизнь.

Лес вокруг нашей деревни с каждым днем все прозрачнее. Смолкают голоса, меняется тональность звуков, как в большой музыкальной пьесе.

У Гайдна есть такая симфония: по мере исполнения своих партий музыканты встают, уходят по одному... Все меньше в оркестре людей... И на сцене зримо набирают силу пустота и одиночество... И вот встает последний скрипач и гасит свечи... Обычно в зале не бывает аплодисментов.

Ночь. 2 часа. За окном – звездное небо, тихо гудит печь, шагают ходики. Слово-то какое – «ходики». Они идут в темпе марша – 140 по метроному – все туда и все ближе, ближе...

*Обнимаю. Твой ДВА.
ноябрь 2003*

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Наталья СМЕХАЧЁВА

Живёт и работает в городе Торжке Тверской области. Преподаватель истории. Пишет стихи и рассказы. Автор двух поэтических сборников («У Лунного брода», «Забутые тетради») и сборника рассказов «Голубая роза». Член литературных объединений «Тверца» (Торжок), «Ковчег» (Тверь) и областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья».

ОРАНЖЕВЫЙ ДОМИК

Оранжевый домик на горке, над
речкой.
Оранжевый домик с ажурным
крылечком.
Пушистые косы кудесника марта,
Весеннего поля волшебная карта.
Оранжевый домик - вразлёт
занавески.
Синиц колокольцы в прозрачном
подлеске.
Тропинка, у клуба забытые книжки

И первый подснежник в руке у
мальчишки.
Оранжевый домик...Лоскутики
света...
Телега, как лучшая в мире карета,
Янтарная сказка далёких окошек,
Рассыпанный по небу звёздный
горошек
И лунный цветок над кипением
сада,
Июльских зарниц золотые парады,

Молчание ночи, озноб
вдохновенья...
И самое первое стихотворенье!
Когда это было? И было ли с нами?
Отцовский баян, старый вальс
«Над волнами»
И слёзы непрошеной светлой
печали...
Оранжевый домик мне снится
ночами...

АКВАРЕЛЬ

День уходящий
таинственно нежен,
тонок и светел.
Солнца цветок
над летящею речкой,
брызги и ветер.
Дикий погост,
остов русского храма,
сосны немые...
Влажно блестят
на асфальте холодном
листья цветные.

Виктория ИСАЕВА

Родилась в Твери. Окончила Государственную академию славянской культуры в г.Твери. Кандидат философских наук. Член творческого объединения «Струны души» и областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья». Печаталась в газетах и журналах, в том числе, в газете «Вся Тверь», журнале «Бук» (Смоленск), альманахе «Форма слова» (Нижний Новгород). Автор сбор-

ника стихов «Обратный отсчет» (2016 г.).
Сфера интересов – путешествия и туризм.

* * *

Ночью полупростывшей
Серый осипший дождь
Точит на дачной крыше
Когти. Больная дрожь
Вдруг проберет пролесок,
И затаится в нем.
Каждый оттенок – весок.
Каждый пустырь – объем.
Сердце не будет мудро,
Сколько ему ни стыть.
Хочется, чтобы утро
И чтобы утром – ты.

* * *

Мне снится: бесконечность
умерла,
Спружинила до сингулярной
точки,
А мы живем и пролетарски точно
Будильник пробивает как стрела

Грудную клетку мраморного
утра.
Кровь капает на тертый
календарь
И новый день – осточертелый
дар
В квартире как обыденная
утварь.
Мы движемся вслепую, упростив
Объем и свет, и перспективу
неба.
Мир никогда таким доступным
не был,
Таким дистиллированным.
Прости

Тобой, Создатель, вылепленных
тварей.
Погода нынче очень хороша,
И я чеканю вышколенный шаг,
И думаю о жизни как товаре.

• Литературное краеведение

Анна Кулакова

Анна Михайловна Кулакова родилась в г. Калинин (Твери) в 1940 году. Окончила химический факультет Ленинградского государственного университета. Работала во Всесоюзном научно-исследовательском институте синтетического волокна. Автор поэтических сборников «Попытка» (1990), «Маленький рыцарь на железном коне» (1995), «Горожане» (2002). Член Союза писателей РФ. Яркий самобытный поэт, она скончалась в 2013 году.

ДЕТАЛИ

Весна, она и в городе весна.
Она приходит враз, не постепенно.
Вот только что был снег, а уж в
кустах
Сныть закурчавилась зелёной
пенной.

О снеге память краткую хранят
В асфальте трещин мокрые узоры.
Грачи на старом тополе галдят
И просыхают пятнами заборы.

И словно сутки сделались
длинней,
А все заботы сделались короче.
Что суeta поспешных наших дней,
Когда, весенним солнцем
позолочен,

Из тучи брызнет первый дождь
слепой,

« ЧТО СУЕТА ПОСПЕШНЫХ ДНЕЙ... »

Как будто смех мальчишки
озорного,
Благословит нас влажною рукой,
В беспечность детства возвращая
снова.

От этой беззаботности хмелея,
По городу весеннему идёшь,
И, словно в детстве, тополиным
клеем
И мокрой штукатуркой пахнет
дождь.

ВИД С МОСТА ЧЕРЕЗ ТЬМАКУ

В городе так утомительно людно,
Запах бензина и гул.
Пятница. Девять часов пополудни.
Мост через Тьмаку. Июль.

Щедрость прощального низкого
солнца
Преобразила пустырь.
Стали прекрасны кривые воротца,
Стены, заборы, кусты.

Чистые краски червоным по черни.
Чётче и ярче, чем днём,
Видятся мне в освещённом вечернем
Линия, контур, объём.

Вот уже ткань тумана из виду
Скрыта реки полоса.
Мягко врачуют дневные обиды
Сумерки, свежесть, роса.

В АПРЕЛЕ ВЕРНУЛИСЬ МОРОЗЫ

В апреле вернулись морозы
И ветер с крупной снеговой.
А утром стонали берёзы,
Стволы изгибая дугой.

И жуткой насмешкой казалась
Краса цепеневших берёз –
Нарядный и мёртвый стеклярус
На ветки живые нарост.

Любуйтесь! Венчальные свечи,
Игра хрустали и слюды.
Но сучья согнулись, как плечи,
От роскоши этой беды.

Какая печальная участь!
В боренье воздушных стремнин
И так уже стала плакучей,
А тут ещё это прими.

Прими безответно и слепо,
Неси на поникших плечах
Печаль помертвелого неба,
Бездомного ветра печаль.

ТВЕРЬ, СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ, ФЕВРАЛЬ

Последний вечер февраля.
Последний снег, серея, тлеет.
Какая ждущая заря
На бледном небе розовеет,

Сырую наледь мостовой
Улыбкой робкой освещая.
Как будто шепчет мне: «Постой,
Вглядишься в меня, я обещаю...»

А что? Какое имя дать? Чему?
В душе застыло слово.
Она безмолвно будет ждать,
Любовь и боль принять готова.

Что ж это? Было или нет?
Вместилось будущее в прошлом.
Втекает в душу тихий свет,
Смывая накипь страхов ложных.

Вбираю тонкую печаль
Тех слов, непонятых, но вещей,
Где улицы метнулись вдаль,
Как три луча окаменевших.

ПУСТЯЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Я проходила около больницы
И встретила на улице старуху.
Она сказала: «Доченька, постой-ка.
Как мне пройти к трамвайной
остановке?»

Хожу-хожу я в этом странном
месте,
А всё на тот же угол выхожу.»

Что ж странного? Старуха
бестолково
Вокруг квартала одного ходила.
И я взяла доверчивую руку,
Чтобы вести, куда она хотела.
И, наконец, старушка

встрепенулась:
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

«Спасибо, дочка, место мне
знакомо.
Теперь сама найду домой дорогу.»

Вот случай, в сущности, совсем
пустячный,
А всё-таки, какой прекрасный повод
Для построенья образной системы,
Для формованья нравственных
сентенций,
Для поучений дерзкой молодёжи...
А я рыдаю от вины и боли.

ОБЕЗГЛАВИЛИ ТОПОЛЯ

Обезглавили тополя,
Наглумились над ними вдосталь.
Всё за то, что, пухом пыля,
Причиняли нам неудобства.

Как в насмешку, тупо стоят
Вдоль газона ровные брёвна.
А весна примеряет наряд,
Раздаёт деревьям обновы.

Прут наружу, только держись,
Коготки, язычки да ушки.
Да и в тополе бродит жизнь,
Ищет выхода из ловушки.

Да и тополь не так уж сир –
Первый лист на ветру полощет.
Словно пробует этот мир
И на вкус, и на слух, и на ошупь.

Сквозь кору, сквозь сплетенье лык
Как же трудно было пробраться!
Но лепечет зелёный язык:
«Жить-то можно! Вылезайте,
братцы!»

ГОРОЖАНЕ

Мы горожане. Мы живём в горах
Из кирпича, железа и бетона.
Мы сносим вниз лавин житейских
Гремя ведром, по лестничному
склону.

Наш мир не поэтичен, не пригож,
Заводами и свалками обрамлен,
И ржавчиной пропитан летний
дождь.
Мы горожане, жители окраин.

Мы здесь в асфальт растаем, как
в песок
Костлявый вереск, как в скалу –
лишайник.

Здесь глухо пробивается исток
Династий, и традиций, и преданий.

Мы горожане. Горек хлеб ржаной
В застольях наших, горек чай
грузинский.
Изверившейся веры привкус злой
В любом глотке и затхлость истин
низких.

Дома продукты, словно сквозняком,
Тревогами на рвущихся границах.
К нам ночью мотыльки летят в
ОКНО
Все в пепле и с глазами очевидцев.

Мы горожане. Ореола нет
Над нами, и не в этом наша сила.
И вопреки всему, мы верим в свет,
И ржавчина души не источила.

ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ

Легко кричать: «И вечный бой!»
Легко витать среди мыслей
смелых,

Но плачет: «Я хочу домой...»
Старуха в доме престарелых.

Тут хорошо. Тут есть уход.
Тут даже не ворует повар.
Никто её не упрекнёт
За бестолковый нрав и говор.

А дома - всем не до неё,
А как ненужной быть не сладко!
Но снова: «Там моё жильё,
Мой уголок, моя кровать.»

Ну что с неё, со старой, взять,
О чём рыдает, стиснув руки?
Там дом её. Там дочь и зять.
Там капли крови её – внуки.

Легко ль семье без старой жить?
Не дёшево ли обменяла
Её, трепещущую нить,
Что с прошлым их соединяла?

Да что им прошлое? Фантом!
К чему им нервные излишки?
Они же вечность целиком
Замкнули на своём житьишке.

Пусть бесконечность им в глаза
Глядит звездою седовласой,
Но им просторней нет гнезда,
Где есть престиж, ковры и мясо.

На этот крохотный аршин
Измерив жизни мёртвый остов,
Они безмерный мир души
Замкнули на своих удобствах.

Кто ж эти, росчерком одним
Лишившие себя Вселенной?
Старуха плачет, хочет к ним,
Полна любви неизменной.

Их, нищих, жалких и глухих
Она простит - а как иначе?
Бог с ними, мне не жалко их,
Я только о старухе плачу.

ПОСЁЛОК

Заткни свою пасть, телевизор!
Мне пафос гражданский обряд.
Уйду, не ответив на вызов
Житейских и отчих обид

Пройду мимо детского сквера,
Где горка, качели, песок.
На лавочке пенсионеры
Ответят кивком на кивок.

Посёлок наш немногочудный,
Всё свойский, простецкий народ.
Пьянчужка и тот не прибудный –
В соседнем подъезде живёт.

И каждый здесь волей-неволей
Хоть мельком со встречным
знаком.

Здесь делятся хлебом и солью,
Советом, тряпьем, табаком.

Окликнет приятель лукавый
И выдаст лихой анекдот,
А в будке сапожник чернявый
Каблук мне в момент пододбёт.

Здесь окна геранями рдеют,
Балконы белеют бельём.
Вот здесь я люблюсь сиренью,
А также ворую её.

В честь дочери новой иль сына
(Дай бог им дожить до седин)
Сажают у дома рябину.
Ах, сколько в посёлке рябин!

Не скроешь тут зависть и милость.
И радость видна и беда.
И всё это, что б ни случилось,
Мой дом, в коем я не одна.

*Великому русскому писателю
Юрию Бондареву исполнилось 95*

АМЕРИКА ОСТАНЕТСЯ НЕОПЛАКАННОЙ

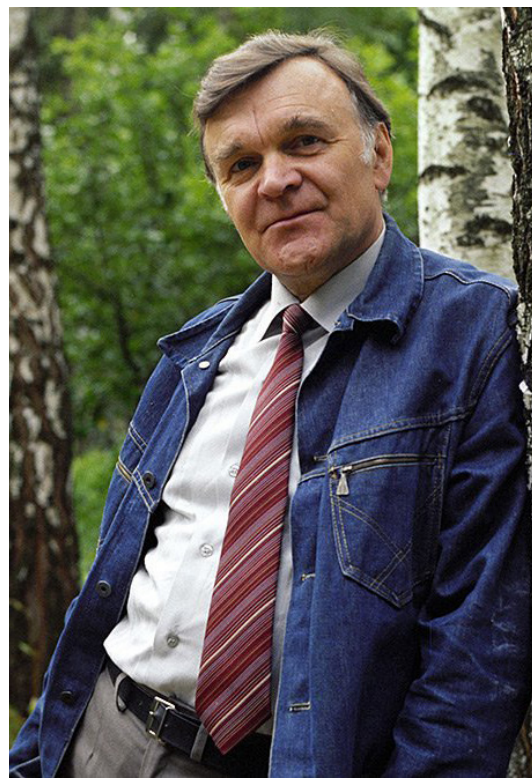
В конце 90-х годов прошлого века состоялась моя беседа с писателем Ю.В. Бондаревым. Тогда ее опубликовать не удалось. Между тем высказанные мысли выдающегося русского писателя-фронтовика, публициста и киносценариста нынче обрели еще более жгучую актуальность на фоне мировых военных конфликтов, развязанных США, глобального финансово-экономического кризиса, западных антироссийских санкций и прочих опасных катаклизмов, грозящих существованию всех народов планеты, и прежде всего России.

– **ЮРИЙ** Васильевич, *Вы хорошо знаете быт и нравы западного мира, в том числе США, бывали там, писали много о нем в своих книгах. Чаще всего говорят о кардинальной несовместимости американского и русского образа мысли и понимания смысла жизни.*

– Как-то в печати мне встретилось откровение некогда популярного советского актера Савелия Крамарова, польстившегося на «золотой рай» американского образа жизни, но вскоре очень горько в нем разочаровавшегося: в Америке «всюду деньги, деньги, деньги... Всюду деньги – господа! А без денег жизнь плохая, не годится никуда...» Кое-что мы знаем о характере и душе русского человека, но знаем ли мы особенности американского мышления, которое не первый год внедряется в сознание людей, уже подчинив себе половину мира? Американский образ жизни? Не есть ли это при обеспеченности и сытости напряженная склонность к постоянным раздумьям о неустойчивости личного бытия – об ускользающем из рук долларе, о

сроках кредитов, о каждодневных бытовых счетах, о налогах и немолимых процентах, кои надобно платить в этой установленной законами жизни взаймы, ибо так живет все общество «благоденствия»?..

В роли приглашенных гостей несколько лет назад госдепартамент любезно предоставил трем советским писателям возможность познакомиться с американской действительностью вблизи, не ограничивая познания наши ничем, кроме южных штатов. И чем больше проходило встреч, тем в большую печаль познания впадал я, ибо одновременно с пышным зрелищным богатством разукрашенной государственной витрины, роскошью респектабельных магазинов, отполированных в граните и мраморе подъездов банкирского Уолл-стрита, лазурными бассейнами на виллах – на меня постепенно наплывала другая Америка, та, которая вызывала терпкую и унылую тревогу, разочарование и какую-то бесприютность среди через край показного изобилия, самопоклонения богатству и вульгарного самодовольства. И признаюсь: не возникло ни малейшего желания облететь вокруг ста-

туи Свободы, в порывах забвения умиляясь прелестями невиданной демократии и правами человека.

Первое, что я понял в заокеанской стране: американская и русская цивилизации несовместимы, немыслимо далеки друг от друга, неизмеримо противоположны. Русская цивилизация со всей ее культурой, вариантами, вариациями, тонкостями и оттенками, по сути своей, вся сплошь духовная, то есть поднебесно-божественная, устремленная ввысь, напоминающая синюю музыку Вивальди. Американская цивилизация – сугубо приземленная (несмотря на небоскребы), грубо материальная, прочного серого цвета, алчно-потребительская, так как все в ней направлено на беспощадную гонку потребления, на культ богатства, денежной силы, накопления любой ценой, стяжательства, чтобы выжить в этой бешеной гонке за выживание и необузданное накопительство... И в этом бездушном миропорядке человек есть машина для добывания денег, живая машина, неуклонно деградирующее и примитивно думающее существо: деньги, деньги, деньги... Культ богатства так же, как и культ

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

насилия, всегда был чужд русскому человеку, самой природой наделенному совестью в избытке.

– Американцами правят ку-миры, созданные, как выразился выдающийся русский философ-эмигрант Иван Ильин, «мировой закулисой» и всеми средствами массовой информации. Журналисты западного мира, не смущаясь, бахвалятся: знаменитость-кумир делается ими в течение 48 часов. И примечательно то, что 80% американцев не имеют своей точки зрения и повторяют мысли, продуманно-упредительно-заготовленные «закулисой»...

– Абсолютное большинство американских обывателей не читает книг, за исключением, пожалуй, детективных серий, что отнюдь не считается зазорным. До первой моей сокрушительной печали познания я, неисправимый скептик, подозрительно проверял и взвешивал все, что слышал, знал и читал об Америке, и сначала, чистосердечно признаюсь, подвергал сомнению жесткое неприятие этой неординарной страны Эмерсоном, Торо, Кнутом Гамсуном, Голсуорси, Кипплингом, Горьким, Ивлином Во, Фолкнером. И, уже опираясь на собственный опыт, я мало-помалу стал соглашаться с почтенными мыслителями и проницательными художниками, увидевшими в «средневековом могуществе денег» (К. Гамсун) все пороки, все изъяны буржуазной демократии, с ее жестокой амбициозностью, где правит никак уж не народ, ибо свобода и равенство всех в обществе денежной диктатуры – смехотворны, лживы, иллюзорны, следовательно, благостное согласие между людьми невозможно, оно невероятно далеко от реальности, в которой вместе с владыкой-долларом царят: скользкое лицемерие, усмехающееся ханжество, ограниченность, беззащитный цинизм, сытое довольство, примитивность силы. Аргумент разрывной пули, расистская напряженность (белые – негры – мексиканцы – пуэрториканцы), при-

крытая бахвальством фальшивой нерушимости Соединенных Штатов под звездно-полосатым флагом.

– Ваши проницательные наблюдения и умозаключения подтверждаются ранее высказанными словами мудрого американского прозаика Фолкнера: «...Мы отказались от смысла, который наши отцы вкладывали в слова “свобода и независимость”, смысла, превращенного нами в наше время в пустой звук». Или: «...Может быть совершено любое действие, лишь бы оно освещалось выхолощенным словом “свобода”». Или, наконец: «Если мы в Америке дошли в развитии нашей безнадежной культуры до того, что вынуждены убивать детей, каковы бы на то ни были причины или какой бы ни был цвет их кожи, мы заслуживаем гибели и, очевидно, погибнем...»

– Всецело разделяю апокалиптический прогноз Фолкнера. В те мои американские дни я пришел к убеждению, что внешне прочная заокеанская опора золотого тельца – это Вавилонская башня, уже испытывающая толчки перед надвигающимся на континент землетрясением. Американская военизированная империя древнеримского подобию времен упадка, жадно заглатывающая в себя более половины чужеземного сырья. Задавившая мир своими купюрами, обеспеченными, кстати, лишь 5% от номинальной стоимости, не выдержит, рухнет, рассыплется, как песчаная пирамида, при обрушившемся планетарном экономическом и национальном катаклизме под тяжестью необеспеченных бумажных банкнот и под изжигающей ненавистью поставленных на колени голодных народов. После Второй мировой войны Америка принесла всему миру столько военных и экономических бед (Филиппины, Корея, Лаос, Панама, Вьетнам, Камбоджа, Ливан, Гренада, Ливия, опять Панама, Ирак, Сомали, Югославия, опять Ирак, Сербия) – можно ли говорить о «сатрапии», о ненадежном сопротивлении «демократических» США, что внуша-

ют ограбленным и окровавленным странам американские миссионеры, виртуозно выученные в специальных школах. Америка уже давно превратилась в гигантского клеща на теле человечества, и чем больше бедствуют и нищают зависимые от нее народы, тем богаче и жирнее становится империя и тем жаднее высасывает она последние соки.

– Но военное и экономическое порабощение неизбежно рождает рано или поздно пробуждение национального самосознания и ответное насилие против насилия. И тогда уже невозможно будет построить ложный мост маломальского согласия ни под эгидой бессильной ООН, ни под коварной силой НАТО. Измученные долгой пыткой народы, вырвавшиеся из смертельно острых когтей Америки, ни единой слезинкой не пожалеют о ее крахе и падении. Что же ждет Америку – Страшный суд или новый Нюрнбергский процесс, на котором вспомнят о Хиросиме и Нагасаки, о массовом уничтожении мирного населения?..

– Америка останется неоправданной и неоплаканной. Так неоплаканной осталась Древнеримская империя, столетия питавшаяся человеческой плотью, сосавшая кровь завоеванных провинций. Но Древнеримская империя щедро оставила после себя знаменитое римское право, культуру слова, философию, ораторское искусство, мастерство архитектуры и ваяния, став преемницей греческой культуры.

Какое наследство оставит людям империя Америки? Технологию производства, которое породило индустриальное убийство жизни (40% всех загрязнений на земле), отравленные воздух, воду, загазованные города, радиоактивные отходы и, как следствие, неизлечимые болезни. Подоблачные небоскребы, которые вряд ли сделали жизнь ньюйоркцев счастливее, вряд ли в их души вселили духовное начало

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

и сделали цивилизацию духовной средой, а прагматично одномерный характер американца интереснее и глубже. Что еще? Вереницу президентов, напоминающих восковых кукол с одинаковыми застывшими улыбками, позами и жестами. Наконец, «демократию» и «равенство» возможностей». Нужно ли об этом всерьез говорить, коли политика имеет долларовую цену, всё без колебаний продается – и разум, и способности: души людей цинично отданы этой купленной политике, желтому дьяволу. Но, быть может, засияет в веках бесценным алмазом культура Нового Света? Неоспоримо – оставят о себе память несколько хороших писателей, ученых, кинорежиссеров, актеров, несколько незаурядных архитекторов европейского происхождения, а рядом, вперемежку с изделиями пошлейшей «масскультуры», будут стоять позорными знаками самая грязная порнография, распространявшаяся по всему свету подобно СПИДу с маркой Made in USA.

– *Надо заметить, прогрессивная мировая общественность наконец-то осознала гибельную опасность всеразрушающего воздействия американских «цивилизаторов». Некогда бывшая центром европейской культуры, художественного вкуса и моды Франция первой начала сопротивляться оккупации американизма в эпоху здравомыслящего де Голля. Это было сопротивление засилью американской музыки, кинематографа, комиксов, детских игрушек – сопротивление шло не всегда успешно, но оно продолжается по сей день.*

– Американская доктрина примитивизации сознания имеет глобальную цель – подвести мировую культуру к общему знаменателю. То есть создать всемирную империю дебилов, покорных рабов, которым голова нужна как необходимость для ношения шляп и модных причесок, а ци-

вилизация выражается в умении употреблять туалетную бумагу!

– *А что же мы, Россия?..*

– К огорчительному сожалению, мы существуем в дурном анекдоте, выражаясь мягко. Накануне своей отставки премьер-министр Черномырдин, человек сверхкрасноречивый, говорящий, по его же утверждению, не на русском, а на «российском» языке, – стало быть, лингвист, сделавший открытие этого нового языка, поразил нас прямо-таки обвальным патриотизмом. Необузданной любовью к России.

Во время пребывания в Америке Черномырдин в разговоре с вице-президентом США Гором зашелся от сладостного восторга, дрожащим голосом вознося хвалебные молитвы американскому образу жизни, американской культуре и, конечно, давно канувшей в Лету американской точности. Вместе с тем, намеренно сверкая глазами и впадая в гнев, он обратил свое неудовольствие против России, против им же, Черномырдиным, разрушенного и замороженного производства (25 миллионов безработных (!)), против обманутого и обнищавшего народа, не умеющего, мол, работать, «вкалывать», а создающего только беспорядок и хаос. Этот народ не понимает, что строится «народный капитализм», а все «буровит, буровит» всякие «измы», в то время как «80 лет изгоняли призрак»: «Работать надо, а не буровить». Как всегда, Черномырдин убедительно живописен, поэтому, как говорится, «всё кричало и всё торчало» в его подобострастной и гневной самобичующей речи; ясно было видно и оглушительно слышно, как он хотел понравиться Америке, как он лакейски ползал на коленях, заискивал перед Гором, этот неуклюжий даже в лести человек. Страстность его речи, разумеется, должна простить ему внезапные провалы памяти. Он невзначай запомнил, что все крупнейшее богатство России – заводы, гигантские комбинаты, жилые дома, дворцы культуры, университеты, школы, нефтяные и газовые промыслы,

шахты, рудники, военная промышленность, космическая наука, несравненное искусство и литература – все это было делом гения, таланта, умения, изобретательского разума и рук этих якобы не умеющих работать русских. Прискорбно несостоятельные «демократы» за годы своего бесславного правления не создали ничего, кроме пустого шума и ложных поз. Они жили и живут нескончаемым грабежом российских богатств, накопленных и созданных не умом «реформаторов», а советской властью и социализмом. (Вот они, «измы», господин-патриот Черномырдин!)

– *И все-таки я спрашиваю: остались ли в России натуры сильные, цельные, подлинно народные? Бросается в глаза, что иные самозванные политики мелкого калибра приспособляются к любому строю, но ничего не строят, они вроде бы нацелены решать все конфликты, но не решают ни одного. Таким образом, страна поставлена в сверхкризисное положение – «Быть или не быть...»*

– Тем не менее надо прекратить апокалиптические вопли и нытье! Плач оскорбляет трезвое мышление и ослабляет волю. Много в жизни изломано, исковеркано, сознание иных одурманено и опустошено. Но, Бог миловал, еще не повреждена полностью душа нации, душа лучших ее людей – и в этом надежда на сопротивление насилию геноцида. И я верю, страстно верю, что надежды не останутся облегчающими снами бодрствующих. Ничем не поколеблена вечная истина: всему на белом свете бывает конец, всему время и место. То, что сегодня властвовало на земле, в самодовольстве и самопоклонении торжествовало, кроваво судило, подчиняло вооруженной силой, подкупом и лестью, управляло судьбами миллионов людей, подобно империи Древнего Рима, завтра – в развалинах, ржавчине и пепле, заносимое безразличными к истории песками, уже безжизненно, мертво, и вокруг нет оплакивающих.

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

Этот призрак исхода маячит и на берегах Тихого океана. Пока еще сильная Америка вступила в свой последний древнеримский фазис, после которого – пустыня, ничто, возмездие вставшего с колен мира.

– Глобальное сокрушение Америке пророчат и всевозможные оракулы-прорицатели. Однако их прогнозы идеалистические, конечно, в своей основе зачастую и не сбываются...

– Исходя из многочисленных экономических, политических и главным образом нравственных посылок я глубоко верю предсказаниям ясновидцев, что Америка, сотни лет продуманно ослаблявшая и разрушавшая весь мир и Россию, сама падет, исчезнет как империя с политической карты планеты, разорвется в ближайшие десятилетия на север и юг, по штатам, искусственно и насильственно соединенным, на «Латинский Техас и протестантский расудительный Восток» или станет «негро-латинской Америкой». В каждом нечестивом господстве над миром и человеком заложено сокрушительное поражение – история повторяется как дурной сон...

– Наверное, грешно так говорить и даже думать, но, право, как хотелось бы увидеть искаженные ужасом лица американцев, оглушенных взрывами ракет мщения на земле истощенного глупостью Клинтона. Неужто не будет справедливого отмщения этой стране? И за Югославию, и за Сербию, и за Ирак, и еще за многое, многое, многое...

– Рано торжествовать победу и пожимать друг другу руки с гауляйтерскими улыбками завоевателей мира. В каждом нечестивом успехе, где льется человеческая кровь и слышен плач детей, заложено сокрушительное поражение. Не мной открыто.

Беседовал Владимир Юдин,
г. Тверь

(«Русский вестник»,
№ 4, 2019 г.)

«ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК. ТАКИХ В РОССИИ МНОГО...»

Олег ОВСЯННИКОВ

г. Торопец

Родился в 1953 году в Лесном районе Тверской области. Окончив среднюю школу в Торопце, поступил в Ленинградскую лесотехническую академию, которую окончил в 1975 году. Работал по распределению инженером-технологом на бумажной фабрике «Коммунар» Гатчинского района Ленинградской области. С 1981 года трудовая деятельность была связана с городом Торопцем. В настоящее время пенсионер, член президиума ветеранов Торопецкого района, участник поэтического клуба «Гармония». Изучает историю родного края, его святыни и рассказывает о них гостям города, используя свои стихи.

В 2015 году стал лауреатом межзонального конкурса и дипломантом областного конкурса «Путь к успеху» в номинации «Поэтическое творчество»

АВТОБИОГРАФИЯ

Обыкновенный человек.

Таких в России много.

В пятидесятых, в прошлый век,

родился. Назван был Олег...

С тех пор живу под Богом.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» ЛЕС

Я помню: лесовоз привёз

и разгрузил сосновый воз.

Что ж, посмотрели, рассчитались

За двадцать с хвостиком кубов

И за приёмку расписались,

Да отпустили - был таков.

Ни шуму не было, ни сраму,

Пустили сразу в пилораму.

Сейчас напилем брус, доску,
Ну всё, что надо мужику.
В хозяйстве и горбыль сгодится:
Зимой будет чем топиться.

Вдруг поднялся и визг и стон,
Какой-то странный стук, и звон,
И что-то мимо пролетело,
И просвистело, и пропело.
Всё стихло, замерло и встало,
Лишь скрип металлом по металлу.
Все побежали, заходили,
Не сразу, но сообразили,
Что этот лес из-под Ржева,
И в нём сидит военный бес,
Его уже не пустишь в дело.
Сосновый лес. «Железный» лес...

Мне стало жалко: я представил,
Как тот лесочек молодой
Железу грудь свою подставил,
Свой ствол игристо-золотой.
И ныне в вековом бору
Так стонут сосны на ветру.
Терпеть - судьба у них такая?
Иль память крепче, чем людская?..
Я обнимаю ствол рукою,
Стою, прижавшись к ней щекою,
Мне прибавляет сил она,
Военнолетняя сосна.

ДОБРО

Добро не ходит с топором,
Секирою не машет,
Оно в церквушке за углом
Помолится и пашет,
Оно идёт наперекор
И злomu и худому,
Добро в душе зажжёт костёр
Просящему любому.
Добро не сразу прорастёт,
Взойдёт да будет зелено,
Быть может, много лет пройдёт,
Но главное посеяно.
За ним же с умной головой
Ухаживай, ходи,
В жару полей, в мороз укрой,
И вырастет, поди.
Ты сил и время не жалея,
Искореня зло,
Поли, вытаскивай пырей,
И расцветёт Добро!

Дорогами войны

Подвиг курсантов Подольского артиллерийского училища на малоярославецком направлении осенью 1941 года навечно вписан в историю войны. Среди курсантов был и наш земляк Александр Иванович Арестов. Тогда ему было девятнадцать лет. Под Москвой он получил свою первую награду - медаль «За отвагу».

НЕМАЛО огненных верст довелось ему прошагать. Лейтенант, а затем старший лейтенант, капитан, майор Арестов громил врага под Сталинградом, форсировал Днепр, освобождал Одессу, Николаев, Тирасполь, Варшаву...

В 1942 году он был удостоен ордена Красной Звезды. В 1944-м – ордена Александра Невского.

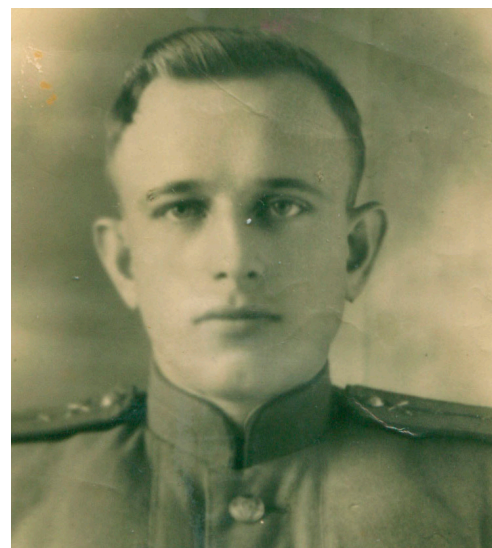
– Как выжил в том бою под Тарунию, и сам не знаю, – рассказывал Александр Иванович.

Тогда гаубичный дивизион под командованием Арестова принял на себя удар 35 немецких танков. Молодой командир умело организовал бой, 19 танков были уничтожены, остальные попятись назад. Благодаря самоотверженности артиллеристов были созданы условия для дальнейшего наступления наших войск.

Отличился дивизион под командованием Арестова и при форсировании Одера. Метким огнем артиллеристы обеспечили условия для переправы передовых групп наших войск, а затем сами преодолели водный рубеж и с ходу включились в бой. Майор Арестов получил еще одну высокую награду – орден Красного Знамени.

На берлинском направлении гитлеровское командование дополнительно ввело в сражение 15 дивизий, 5 бригад, 7 отдельных полков и несколько батальонов. Сопrotивление, как рассказывал Арестов, было поистине фанатичным, но оно не могло сдержать наше наступление.

Ожесточенные бои развернулись на подступах к Берлину. 2-й гаубичный дивизион 237-го гаубичного полка в числе первых форсировал реку Шпрее в районе

Потсдама. Под огнем врага артиллеристы развернули орудия и открыли стрельбу на поражение противника. Грудь командира дивизиона украсилась орденом Отечественной войны I степени. День Победы он встретил в Берлине.

После войны А.И. Арестов долгие годы работал директором Андреапольского известкового завода. Можно было только поражаться жизненной энергии, упорству, с которым он успешно решал производственные вопросы. Вместе с супругой Зинаидой Тимофеевной, тоже фронтовичкой, они вырастили достойных детей. Жизнь А. И. Арестова трагически оборвалась в годы перестройки.

С. Николаев.

На снимке: А.И. Арестов.
1943 г.

Исполнилось бы 82

Как сообщает газета «Слово», день рождения Валентина Распутина (1937-2015) был широко отмечен общественностью Иркутска. Открылась выставка фотографий. В краеведческом музее подвели итоги конкурса

инсценировок по произведениям Валентина Григорьевича, в ТЮЗе прошел спектакль «Живи и помни» по одноименной повести Распутина.

«Реноме» о юбилее Галины Безруковой

В Твери вышел очередной номер журнала «Реноме». Значительная его часть посвящена

отчету о состоявшемся в областной библиотеке имени Максима Горького вечере, посвященном 70-летию поэтессы Галины Безруковой. В вечере приняли участие писатели, поэты, деятели культуры, в том числе бывший редактор газеты «Смена», где работала Галина Безрукова, писатель Валерий Кириллов.

ЧЕСТНАЯ КНИГА О РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ

КНИГА монахини Анны (в миру педагога Натальи Евгеньевны Бухаровой) «У каждого храма своя история» вобрала в себя множество пережитого, от живописного повествования о природе – о лесных краях, где довелось жить семье отца Виктора и матушки Натальи, до плача по русской деревне, умирание которой мы все застали.

Эта жизнеописательная книга о церковном приходе в старинном русском селе, недалеко от Юрьевца, родины Андрея Тарковского.

Увидим ли мы завтра своими глазами эти картины? Ведь сегодня в Юрьевецком районе, как и по всей России, вырубаются леса, следовательно, гибнет зверь, неведомо кем скупаются земли, стираются с лица земли оставшиеся деревеньки, до которых не дошел ни Наполеон, ни Гитлер.

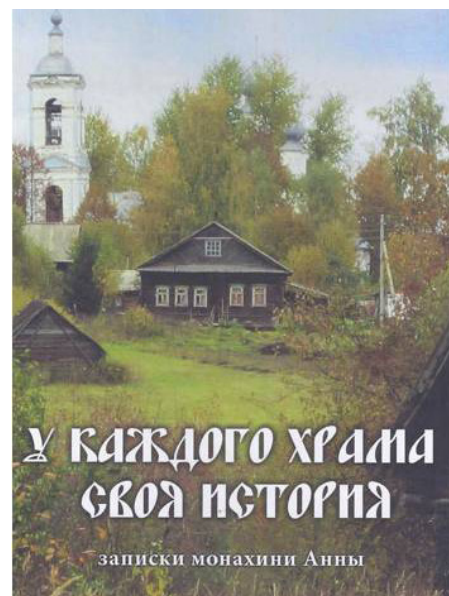
Воспоминания матушки Анны – как сама полнокровная крестьянская жизнь, где все заполнено молитвой, трудом, переживаниями, радостью, свободой. В книге читатель найдет рассказы о том, «Как тетя Шура котика поймала», как конь Загорюлька столкнулся с автобусом, о чем отец Виктор потом рассказывал: «...вижу, сани плавно так в воздухе летят, конь вверх ногами, и я лечу», об НЛЮ, который мотылялся над селом, не зная,

куда деться, потому что отец Нестор благословил крестить непознанный объект и «наш иконописец Сережа с женой крестили его из автобуса, послушница Тамара из Павлово, Петя из-под липы...» Неповторимы описанные в книге портреты последних молитвенниц – старушек, что стали связующей нитью царской боголюбивой России и нашего времени – времени трудного возвращения на круги своя.

Именно в селе Жарки 31 декабря 1993 года был зверски убит молодой иеромонах Нестор (Савчук). В тот год была остервенелая погоня бандитов и хищников за старинными иконами, которые еще сохранялись в сельских церквях. Отец Нестор стал жертвой зверя, вышедшего из человека. Матушка Анна рассказывает, каким отец Нестор был в быту, в простом каждодневном общении со своим народом на приходе.

Об авторе книги необходимо сказать, что ее жизнь десятилетиями была связана с преподаванием в разных школах. Учебник Натальи Евгеньевны Бухаровой «Святыни Отечества» (2012) спас от закрытия сельскую школу, которую сделали экспериментальной площадкой именно под этот факультативный курс.

Отдельную главу книги «У каждого храма своя история» составляют путевые заметки матушки Анны об их поездке

в Америку. «Я понял, – говорит отец Виктор (ныне иеромонах Иоаким), – зачем ехать к индейцам. У нас вымирают деревни, нет домов, но есть история. Пространство истории, которого у них нет...»

Одно твердо запоминается по прочтении книги:

«Не надо спасать природу – надо самим спасаться.

Не надо спасать церковь – это она нас спасает.

Не надо спасать Россию – ее надо любить.

Не надо спасать деревню – в ней надо жить».

Эти слова иеромонаха Иоакима, сказанные им в известном документальном фильме Валерия Тимошенко «Русский Заповедник», выстраданы самой жизнью конкретного человека. И это напоминание, что каждый из нас должен вглядеться в себя, вернуться к своим истокам, попытаться жить не чужой, а своей жизнью.

Ирина Ушакова

(«Русский вестник», №4, 2019 г.)

Золотой запас

Константин СКВОРЦОВ

(Род. в 1939 г.)

* * *

В глубинке русской посреди
разрухи
У нищих окон, как у царских врат,
Сидели на завалинке старухи
И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
Ни вечных кур, ныряющих в
пыль...

Остались только песни им... И это
Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
В чужие клёты сыпалось зерно...
На мой вопрос: и как же вам
живётся? –
Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождём,
Где б я ещё услышать мог такое? –
Чего не доедим, то допоём!

То допоём!.. Так как же жил я,
если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней
робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко,
И медленно вращался шар земной.

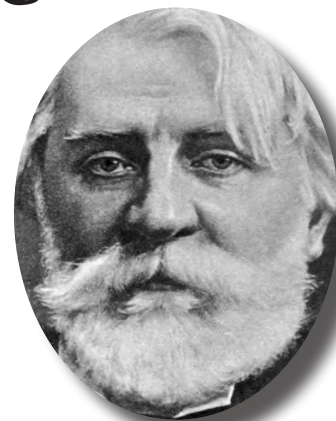
Николай ЗАБОЛОЦКИЙ

(1903-1958)

* * *

Хочу у моря я спросить,
Для чего оно кипит?
Пук травы зачем висит,
Между волн его сокрыт?
Это множество воды

Очень дух смущает мой.
Лучше б выросли сады
Там, где слышен моря вой.
Лучше б тут стояли хаты
И полезные растения,
Звери бегали рогаты
Для крестьян увеселенья.
Лучше бы руду копать
Там, где моря видим гладь
Сани делать, башни строить,
Волка пулей - беспокоить,
Разводить медикаменты,
Кукурузу молотить,
Деве розовые ленты
В виде опыта дарить.
В хороводе бы скакать,
Змея под вечер пускать
И дневные впечатленья
В свою книжечку писать.

Иван ТУРГЕНЕВ

(1818-1883)

ЦВЕТОК

Тебе случилось – в роще темной,
В траве весенней, молодой,
Найти цветок простой и
скромный?
(Ты был один – в стране чужой).

Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал.

И ты срываешь стебель зыбкой.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой.

И вот, идешь дорогой пыльной;
Кругом – всё поле сожжено,
Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно.

Он вырастал в тени спокойной,
Питался утренним дождем
И был заеден пылью знойной,
Спален полуденным лучом.

Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего.